

УДК 94(55)''1905 / 1911''+929 Каджары

НАСИЛИЕ КАК СИМВОЛ МОДЕРНИЗАЦИИ НА ЗАКАТЕ ИМПЕРИИ КАДЖАРОВ (ПО МАТЕРИАЛАМ РУССКОЙ САТИРИЧЕСКОЙ ЖУРНАЛИСТИКИ НАЧАЛА XX ВЕКА)

Т. А. Филиппова

Российская академия наук,
Институт востоковедения, отдел истории Востока, Москва

В статье на основе материалов популярных русских сатирических журналов «Сатирикон» и «Шут» исследуются механизмы создания образов «Врага с Востока» на примере восприятия событий Иранской конституционной революции 1905–1911 годов. В центре внимания автора – особенности риторик враждебности, отрабатывавшихся русскими сатириками в процессе восприятия модернизационных процессов в государстве Каджаров в ходе конституционный преобразований, гражданской войны и интервенции.

Ключевые слова: *Иранская конституционная революция 1905–1911 годов, династия Каджаров, модернизация в странах Востока, русская сатирическая печать, журнал «Сатирикон», журнал «Шут», образ «Врага с Востока».*

Политический философ Майкс Оукшотт, исследовавший мотивации поведения реального политика в условиях вызовов модернизации, писал о том, что чаще всего ему приходится выбирать в своих решениях не между *плохим и хорошим*, а между *«старыми грехами и новыми пороками»*. Иного не дано, ибо именно такова суровая действительность мира политики. Накал страстей и глубина проблем в странах Востока (в данном случае – в Персии эпохи последних Каджаров), переживавших в начале XX в. очередной виток своих модернизаций (ускоренных, рецидивирующих, инициированных «сверху», ориентированных на определённые западные образцы) зачастую не оставлял и этого ограниченного выбора.

Образ перса, появлявшийся на страницах российских сатирических журналов, как правило, рядом с образом турка (как уточняющий вариант – персидский шах и турецкий султан), весьма интересен и показателен при анализе образов «Врага с Востока» как исследовательской проблемы. Многое роднило подосновы создания этих образов. Оба – южные исламские соседи России, с обоими Россия не раз вела кровопролитные войны, по поводу обоих вступала в соперничество с западными державами, особенно – в начале XX в. в ходе военно-экономического проникновения на Ближний Восток. Но всё же образ

перса стоит несколько особняков в общем репертуаре «врагов с Востока», населяющих страницы отечественных сатирических изданий того времени¹.

Конституционная революция и гражданская война в Иране в 1905–1911 гг. стали питательной средой для формирования и развития в русской сатирической печати образа перса, каковому (образу) суждено будет исполнять разные роли в *восточном репертуаре* журнальных публикаций. Критика насилия – организованного и стихийного – как отличительного свойства нового века звучит лейтмотивом материалов русской сатирической печати начала XX в. Носителями этого зла выступают и отжившие свой век режимы (династия Каджаров), и новые власти, охотно совмещающие в своей политической практике старые грехи с новыми пороками. «Азиатский» аспект жестокостей и зверств эпохи модернизации составляет наиболее заметный, как нам предстоит увидеть, но далеко не единственный пласт критикуемых сатириками эксцессов внутреннего реформаторства и внешней агрессии.

* * *

События в Иране, получившие в историографии название «Конституционной революции», наглядно подтвердили общее содержание «партитур» революционных постановок XX в.: революция – конституция – переворот – гражданская война – интервенция. Курс политического лавирования режима внутри страны (между аристократическими родами) и на внешнеполитической арене (между Великобританией и Россией) выдавал слабость и зависимость положения правящей династии Каджаров, в определённой мере родня ситуацию с политическим курсом слабеющей династии Османов. Те же кабальные концессии иностранным компаниям, та же финансовая зависимость от европейского капитала, то же стремление играть на внутриевропейских конфликтах и соперничестве великих держав, та же неготовность к содержательным переменам в политической культуре и фатальное небрежение к социальным нуждам подданных, те же межплеменные распри и безуспешные попытки центральных властей ими манипулировать...²

¹ Работа основана на фронтальном анализе публикаций в двух наиболее популярных русских сатирических изданиях-еженедельниках начала XX века – «Шут» и «Сатирикон». Рассчитанные, главным образом, на городского обывателя разной степени образованности и общественной ангажированности, они в определённой мере формировали окрас и темперамент общественных настроений. Этим своим «среднестатистическим» адресатом они и представляют интерес, поскольку позволяют проникнуть в тематику, психологию и общий эмоциональный настрой сатиры для сравнительно массового общественного потребления.

² Подробнее см.: *Иванов М. С.* Иранская революция 1905—1911 годов, М., 1957; *Агаев С. Л.* Иран в прошлом и настоящем. М., 1981; *Кулагина Л. М.* Экспансия английского империализма в Иран в конце XIX – начале XX вв. М., 1981; *Алиев С. М.* История Ирана. XX век. М., 2004.

Непосредственная заинтересованность российских властей и деловых кругов в политической стабильности шахского режима проявлялась в самых разных формах присутствия в стране³. В начале XX века беспокойство российских властей по поводу ситуации в Иране всё более нарастало. Отрывочные телеграфные сообщения о положении дел в стратегически важном для России регионе, попадавшие на страницы российских газет («Биржевые ведомости», «Русское слово», «Новое время», «Русский голос», «Петербургский листок» и др.), своей напряжённостью напоминали в 1905–1907 гг. сводки с полей сражений гражданской войны. Причём задолго до того, как сама гражданская война в Персии стала реальностью.

Вот типичнейшие из них:

«Положение осложняется».

«Завязалась перестрелка, длившаяся беспрерывно до вечера».

«Толпы черни были отброшены».

«Есть убитые и раненые. Сегодня базары закрыты во всех кварталах».

«Настроение напряженное. Возможно новое столкновение».

«Кочевники вооружены ружьями новой системы, полученными контрабандой с юга, и располагают несколькими скорострельными пушками»...⁴

Революция в Иране, поначалу находившаяся на периферии журнального интереса из-за накала собственных страстей (Русско-японская война, Первая русская революция, конституционно-парламентские нововведения, столыпинские преобразования и пр.), всё же попадает, хоть и с опозданием, в фокус отечественной сатиры – к весне 1908 г.

К этому времени в Иране уже произошли эпохальные события, существенно изменившие политическое лицо государства Каджаров. Под давлением народных масс и сплотившейся на время политической и духовной верхушки шах Мозаффар вынужден был в декабре 1905 г. согласиться на конституционные преобразования и созыв парламента (меджлиса). Фигура правителя, впервые в истории Ирана ограничивше-

³ См., к примеру: *Домантович А.* Воспоминание о пребывании первой русской военной миссии в Персии // *Русская старина.* 1908. № 2–4; *Косоговский В. А.* Очерк развития персидской казачьей бригады // *Новый Восток.* М., 1923. № 4.; *Ржевусский А.* Тегеран. Дорожные заметки. Пятигорск, 1911. С. 23; *Игнатъев А. И.* Русско-английские отношения накануне первой мировой войны (1908–1914). М., 1962; *Арабаджян З. А.* Иран: власть, реформы, революции, М., 1991; *Асадуллаев К.* Свержение династии Каджаров в Иране (1920–1925 гг.). Душанбе, 1966; *Нетесов А.* Миротворческая миссия за Араксом. Как русские войска нормализовали обстановку в Персии в начале XX века. Независимое военное обозрение. 2009-07-03/ URL: http://nvo.ng.ru/history/2009-07-03/12_persia.html

⁴ Цит. по: «Газетные старости». Обзор русских газет начала XX века / URL: <http://starosti.ru/> (Отметим этот прекрасный интернет-ресурс, предоставляющий наглядный мониторинг контента русской прессы вековой давности).

го абсолютную власть шаха, была интересной – до экстравагантности. Европейски образованный человек, яркой внешности, прекрасно изъяснявшийся по-французски, он трижды посещал Европу, живо интересовался новой европейской забавой – кинематографом, в бытность свою наместником в Тебризе способствовал основанию либеральной (по местным меркам) газеты «Насыри», основал военное училище западного образца, пригласил европейских военных инструкторов, не был чужд благотворительности. Но при этом явно злоупотреблял иностранными займами, охотно раздавая концессии. К моменту своего вступления на трон Каджаров он сам был уже болен, государство пребывало в долгах и иностранной зависимости, а общество – во всеобщем недовольстве положением дел в стране.

Смерть шаха через пять дней после утверждения первой части Конституции, ограничившей его права, приход к власти сына Мозаффара, реакционно настроенного Мохаммеда-Али⁵, и его отказ подписать политически важные «Дополнения» к тексту Основного закона вызвали в Тегеране череду антиправительственных восстаний и демонстраций протеста, перешедших в Тебризе во всеобщую забастовку. Карательные меры не замедлили последовать – без особого, однако, успеха. Острый кризис власти всё же вынудил нового шаха подписать в октябре 1907 г. «Дополнения» к Конституции Персии. Но попытки правителя покончить с конституционным правлением и межджлисом продолжались на протяжении всей эпохи Конституционной революции. Положение и в столице Ирана, и на северных окраинах оставалось напряжённым и неопределённым.

В феврале 1908 г. на Мохаммеда-Али было совершено покушение – в его карету была брошена бомба. Сам шах не пострадал, но этот террористический акт придал ему ещё большей подозрительности и решимости в борьбе с политическими противниками. И хотя репрессии против них были не столь жестокими, как это гиперболизировано изображалось на страницах русской сатирической печати, всё же было очевидно, что до гражданского примирения в Тегеране было весьма далеко. Обложечный рисунок «Сатирикона» в одном из мартовских номеров

⁵ Мохаммед Али-шах (1872–1924), шах Персии из династии Каджаров (с 8 января 1907 г. по 16 июля 1909 г.); в бытность принцем занимал пост губернатора Тебриза. В феврале 1908 г. едва не стал жертвой покушения – в его карету была брошена бомба. Шах пострадал лишь морально, став после неудавшегося покушения весьма подозрительным. 24 июня 1908 г. совершил переворот, с помощью Персидской казачьей бригады разогнав межджлис. После вступления в столицу повстанцев и объявления о низложении Мохаммеда Али и о передаче власти его 11-летнему сыну Ахмаду, вынужден был найти прибежище сначала в российской миссии в Тегеране, а затем и в России. В 1911 г. сделал попытку восстановить свою власть – направился в Персию с военным отрядом, но был разбит войсками правительства. Жил в Одессе; после Октябрьской революции в 1920 г. переехал в Стамбул, а затем в Италию в Сан-Ремо, где и скончался.

1908 г. с жутковатой экспрессией изображает посаженных на кол персов. Багрово-красные тона на чёрном фоне – по контрасту с белыми одеждами казнённых, залитыми потоками крови – всё это с очевидностью предназначалось для того, чтобы визуальными средствами подчеркнуть кошмарную фантазмагорию ситуации в Персии, и при этом сопровождалось едким «пояснительным» комментарием в подписи под карикатурой:

«Члены меджлиса заняли подобающее персидским народным избранникам высокое положение»⁶.

В одном из летних номеров 1908 г. «Сатирикон» помещает карикатуру А. Радакова, долженствующую показать всю степень фрустрации персидского общества и неясности дальнейших перспектив конституционного процесса в стране. На фоне любопытствующих зевак простой перс, уже будучи посаженным на кол, всаживает себе в рот второй(!). Подпись под рисунком передаёт последние слова страдальца:

«Перс. – Да будет благословенно имя шаха! За мои крамольные слова: “может быть, Меджлис нужен Персии?”, - он всего-навсего посадил меня на кол. Не имея нравственного права злоупотреблять добротой царя царей, всажу в себя с обратной стороны второй кол. (Умирает, восторженно шепча имя шаха...)»⁷.

В «сатириконовском» в разделе, где по традиции помещался выдуманный журналистами народный фольклор, читаем следующие «персидские пословицы»:

«В меджлис попал – на всю жизнь пропал.

Шаха видеть во сне – быть повешенным наяву»⁸.

Сгущение красок – в прямом и переносном смысле, в том числе и в гипертрофированном показе правительственных репрессий в отношении оппозиционеров – отражало весьма драматическое восприятие событий в Персии⁹. Массовые революционные выступления в ответ на попытку шаха стянуть в столицу войска, а затем и начало гражданской войны (июнь 1908 г.)¹⁰, последовавшей за контрреволюционным переворотом в Тегеране, осуществлённым не без помощи Персидской казачьей бригады, русская сатирическая печать встречает целой серией

⁶ Сатирикон. 1908. № 13.

⁷ Там же. № 27. С. 8.

⁸ Там же. № 16. С. 4.

⁹ См.: Филиппова Т. А. «Чужая политика». Конституционные преобразования в Турции и Персии в начале XX века на страницах журнала «Сатирикон» // Восточный архив. 2012. № 2 (24). С. 24–29.

¹⁰ 22 июня 1908 г. с объявлением военного положения шахские силы перешли в наступление, обстреляв её из артиллерийских орудий мечеть Сепехсалара, где укрывались федаи («жертвующие собой») и муджахиды («преданные революции»). Последовали аресты сторонников конституции, были повешены некоторые издатели левых газет; меджлис и энджумены (возникшие в ходе революции органы революционной власти) были объявлены временно распущенными.

публикаций острокритического содержания. Пример дежурной шуток-каламбура на тему разогнанного меджлиса даёт журнал «Шут»:

«В Персии дано распоряжение вешать всех страдающих «прогрессивным» параличом»¹¹.

Перемещение центра революционного сопротивления шахской реакции в Азербайджан, где во главе революционных отрядов федаев и организаций муджахидов стал энергичный и умелый Саттар-хан¹², сделало Тебриз оплотом сопротивления шахским войскам. Лишь выступление российских войск в сторону Тебриза привело к разоружению федаев и отступлению шахских войск (апрель 1909 г.). Однако череда восстаний в других городах страны продолжала накалять ситуацию.

Нараставший интерес русского общества к событиям в Персии, включённость в обсуждение начавшейся здесь гражданской войны становятся поводом для «сатириконовского» фельетона в новогоднем номере, открывающем 1909 г., под названием «*Переутомление. Итоги года*». Его автор, Сергей Нагорный, высмеивает отечественного обывателя, его полуграмотную озабоченность по поводу политической экзотики революционного Востока, способного свести с ума не только рядового читателя журнала, но и профессионального политика. Взрывоопасная смесь восточных имен (*Саттар-хан, Эйн-Уд-Доуле*¹³ и пр.), названий революционных организаций и военных операций в Персии, с трудом уместяясь в голове встревоженного героя фельетона, становится всё более опасной для его здоровья. Это доводит «знатока» Востока сначала до ссоры с женой, а в итоге – и до психиатрической клиники. Ирония над полусведомлённостью тогдашнего русского общества (а в подтексте – и властей) в «делах персидских» легко прочитывается между строк юмористического рассказа, не скрывая, впрочем, и затаённой тревоги по поводу ситуации на южных границах России¹⁴.

В том же номере, в разделе «*Ваши пожелания на Новый год?*», приводится характерный «ответ» персидского шаха на этот дежурный для начала нового политического года вопрос:

«– В истекающем году, – писал нам шах, – мне пришлось очень много возиться с конституцией, то даровать её, то отменять. Высказываю пожелание, чтобы мне в Новом году удалось установить, подобно тому, как установлены в заграничных курортах “мужские” и

¹¹ Шут. 1908. № 32. С. 5.

¹² Саттар-хан – (1867–1914, Тегеран) – деятель Иранской революции 1905–1911, по национальности азербайджанец, возглавил вооруженное народное восстание против шахских властей в Тебризе в 1908–1909 гг.; талантливый военный организатор, популярный в массах, он сумел создать революционную армию, объявив войну шахскому правительству шаха, требуя восстановления конституции.

¹³ Шахский премьер-министр, противник конституционного правления

¹⁴ Сатирикон. 1909. № 1. С.4.

“дамские” “часы купания”, — “абсолютистские” и “конституционные” “часы правления”¹⁵.

Однако далее события в Иране развивались столь масштабно и драматично, что побуждали даже сатириков к проявлению большей серьёзности. Своё отношение к восставшим и их требованиям не без сочувствия выразил журнал «Шут», поместив на своей обложке карикатуру, на которой рядовой муджахид обращается к шаху со словами:

«Мы добры и милостивы: просим вас сесть на любой из них...!».

Широким жестом революционер приглашает перепуганного правителя на площадь, запруженную восставшими; в центре площади установлены заточенные колья, на каждом из которых «смертельно опасные» для шаха надписи: «восстановление меджлиса», «отмены ссылки», «отмены цензуры», «открытие политических клубов»¹⁶.

Отметим, что среди способов типично *ориенталистской* визуализации ужасов персидских революционных эксцессов (справа и слева) принципиально важное место занимает символика сажания на кол. Образами запредельно жестокой казни сатирики, как представляется, подчёркивали *чуждость* ситуации в Иране каким бы то ни было конституционным и прочим модернизационным процессам. Но не только. За этим приёмом ощутима тенденция показать и чуждость *природы* перса как врага – в отличие от образа того же турка – пусть и противника, но хорошо известного, давно знакомого и в определённой степени «приватизированного» массовым восприятием как *своего*¹⁷.

Более глубокие причины такого различия сатирических способов репрезентации образов турка и перса требуют дополнительного изучения. Пока же обратим внимание, к примеру, на то, что Эндрю Уэткрофт трактует имевший место на Западе интерес (пополам с ужасом) к восточному «обычаю» сажания на кол как символизацию идейно-эмоциональной «борьбы с неверными», чья жестокость «оправдывает» и «обосновывает» любые формы «крестовых походов»¹⁸. И это при том,

¹⁵ Там же.

¹⁶ Шут. 1909. № 5.

¹⁷ См.: Филиппова Т. «И пусть сераль, и смолк его фонтан...». Эротика как сатирическая стратегия изображения Турции на страницах русских сатирических журналов. Начала XX века // Родина. 2011. № 10. С. 110–114.

¹⁸ Э. Уэткрофт, подчёркивая, что тема сажания на кол была устойчивым, заметным и развивающимся тропом в западных изображениях мусульманского Востока, более того – «доминирующим визуальным элементом в его репрезентации в литературе и живописи», связывает эту традицию всё же в большей степени с образом турка и турецкого Египта, поясняя при этом: «Также иногда изображения сексуальных излишеств и извращений занимали здесь место представлений о дикости и варварстве. Многие европейцы были убеждены, что мусульмане являлись педерастами и содомитами. Турок считали приверженцами сажания на кол, одной из немногих форм жестокой казни, которая не практиковалась в Европе. Её изображение подразумевало одновременно неестественный секс и предельную жестокость». (*Wheatcroft A. Infidels. A*

что посажение на кол (к тому времени уже не практиковавшееся) не было ни персидской выдумкой, ни специфически мусульманской особенностью. Исторически этот вид казни практиковался со II тысячелетия до н. э. в Египте, на Ближнем Востоке и в Средиземноморье, встречался в истории наказаний, практиковавшихся в Византии и в странах Восточной Европы.

В этом смысле примечательно также нарастание драматизма в визуальных трактовках русской сатирической печатью образа *инога* – соседа, противника, виновника внешнеполитических проблем¹⁹. Приливы и отливы конституционного процесса в Иране, остроту внутривнутриполитических эксцессов на фоне растущей нестабильности в стране хорошо отражает карикатура, помещённая в разделе «*Политические телеграммы*». На ней шах держит в своих руках концы верёвок, пропущенных через лебёдку; на других концах верёвок – полузадушенные в петлях «подданные», которых «милостивый», «вдумчивый» правитель, сомневающийся в окончательном решении, то вздёргивает на виселице, то опускает на землю. А в воздухе над местом шахских «конституционных» упражнений уже кружат стервятники, готовые поживиться человечиной... Подпись под рисунком передаёт текст «телеграммы» из Персии (сочинённой, разумеется, самим сатириком на основе представлений о противоречивости реформаторского процесса в государстве Каджаров):

«Шах Персидский раскаялся во всём. Дал в 13487-й раз конституцию, и теперь мирно занимается откармливанием птиц»²⁰.

Характерно, что и здесь, и в других случаях журнальная карикатура охотно и зло обыгрывала весьма специфические черты лица шаха Мохаммеда-Али, доводя их изображение до едва ли не медицинского диагноза в смысле полной деградации – и личности правителя, и династии в целом.

В мае 1909 г. на Тегеран из восставших Исфахана и Гиляна двинулись отряды федаев и бахтиарских племён²¹ и к концу июня вошли в

History of the Conflict between Christendom and Islam. L., Penguin Books Ltd., 2004. P. 276.)

¹⁹ Э. Уэткарофт уточняет свою мысль: «На протяжении веков, под взглядом западных глаз, мусульманский неверный принимал множество разных обликов. Они были *агарянами, исмаилитами, сарацинами, маврами, турками, татарами, бедуинами, арабами*. С каждой интеракцией образ неверного становился все более точным. С визуальной точки зрения, агарянин, исмаилит или даже сарацин не имеет конкретной формы. Это просто имя. Но мавры, турки или бедуины имеют очень четкий и определенный визуальный образ. Они зафиксировались в печати и произведениях искусства, как химически фиксируется фотографическое изображение, становясь перманентным» (Wheatcroft A. Op. cit. P. 289–290).

²⁰ Сатирикон. 1909. № 16. С. 7.

столицу, заняв здание медресы. Уже 3 июня решением чрезвычайного верховного совета шах Мохаммед-Али будет низложен, и новым правителем станет его сын, Султан Ахмад-шах. При одиннадцатилетнем шахе сразу же будет восстановлено действие конституции, а свергнутому правителю придётся найти себе убежище в дипломатической миссии России в Тегеране. (К слову, там, где за восемьдесят лет до этого были растерзаны фанатиками Грибоедов и другие русские...)

Летние выборы в новый медресис и его торжественное открытие в начале ноября не привели автоматически к разрешению внутренних проблем. Суровой реальностью оставался грандиозный бюджетный дефицит, хозяйственная разруха, необходимость новых иностранных займов и введение новых налогов, что с неизбежностью влекло за собой ещё большую зависимость от иностранных держав.

Схожие революционные процессы в Турции и Иране, а также грустная доля турецкого султана и персидского шаха, оказавшихся на обочине истории, охотно обыгрываются на страницах русской политической сатиры, причём с неизменной повторяемостью базового сюжета. На обложке одного из своих августовских номеров «Сатирикон» помещает карикатуру с ироничным названием «*На покой*», на которой изображён отставной персидский шах, толстый и печальный. Грустно и растерянно он стоит на пороге ветхого домишки, в котором опальный турецкий султан – жалкий, сгорбленный старичок – что-то варит себе на керосинке. При виде гостя, он неохотно отрывается от своего занятия:

«Абдул-Гамид. – Ты, брат? Эге! Нашего полку прибыло...»²².

Тему шахско-султанской *взаимности* журнал «Шут» замыкает рисунком с изображением двух слившихся в объятиях низложенных представителей династий Османов и Каджаров, нарочито изображённых маленькими, кургузыми, нелепыми человечками. Карикатура сопровождается незатейливо-грубоватыми стишками частушечного лада:

«- Ты мой друг, я твой друг,

Мы друзья до гроба.

- Ты дурак, я дурак.

Дураки мы оба»²³.

Тот факт, что общие проблемы связывали не только правителей двух реформирующихся восточных держав, но и их изнурённых неопределённостью ситуации подданных, иллюстрирует зарисовка «Шута», на которой – уже без налёта карикатурности – изображены два городских обывателя – турок и перс. Между ними идёт беседа невесёлого свойства:

²¹ Бахтиарские ханы в данном случае выступали за восстановление конституционного правления, поскольку, рассчитывали в новых условиях укрепить свое влияние и в Бахтиарии, и в Иране в целом.

²² Сатирикон. 1909. № 30.

²³ Шут. 1909. № 39. С. 9.

«Турок. – Ну... мы с нашей конституцией дошло до... точки, а вы?»

Перс. – А мы до... многоточия и всех других знаков препинания»²⁴.

До чего именно дошли новые власти в Тегеране, показывает обложечный рисунок «Шута» под названием «*Правитель*». На нём не без доли сочувствия изображён горько плачущий ребёнок, толстыми канатами привязанный к массивному трону Каджаров. Над маленьким шахом с просительными выражениями лиц склонились придворные:

«- Звезда Востока!.. Радость очей наших!.. Смеем доложить тебе о деле...

- *К ма-а-а-ме хо-о-о-чу!!..*»²⁵.

Карикатура была навеяна недавней церемонией в персидской столице, когда под приветственные крики толпы и звуки государственного гимна более чем юного Ахмад-шаха на руках внесли во дворец. Далее, в саду, его ждал празднично украшенный трон Каджаров. Как представляется, не только возраст несовершеннолетнего правителя, но и общая неготовность новой власти эффективно и продуманно решать дела государства подразумевались сатириками в подтексте этого невесёлого рисунка.

При этом гораздо более едкой иронии удостоивается низложенный шах, особенно – на карикатуре «*Уезжают*». На рисунке – мизансцена подготовки отъезда Мохаммеда-Али из Персии. Внушительного вида женщина (наложница? служанка? родственница?) деловито, но с ироническим выражением лица собирает в сундук вещи отрешённого от власти шаха. К ней обращается взволнованный придворный:

«- А куда же ты спрятала знаки отличия Шаха?».

На что получает от неё убийственный ответ:

«- *Главный – глупость – остался при нём*»²⁶.

С этого момента – когда в ходе июльских событий 1909 года в Тегеране Мохаммед Али, лишившись власти, вместе с женой и наследником нашёл прибежище в русской миссии – персидская тема на страницах сатирических изданий обретает особый, «русский» ракурс.

Отметим: приют шаху в русской миссии был оговорен соглашением между русским поверенным в делах и британским, а сама особа шаха охранялась вооружённым конвоем русской и английской миссий. Этот факт символическим образом отражал реальное – вдвойне зависимое – положение Персии на внешнеполитической арене, а также плотное присутствие в ней противоборствующих иностранных интересов. Ретроспективный взгляд на ситуацию в регионе позволяет увидеть, что,

²⁴ Там же. № 27. С. 13.

²⁵ Там же. № 33.

²⁶ Шут. 1909. № 33. С. 13.

при всей яркости и медийной востребованности событий младотурецкой революции начала XX века, всё же именно «дела персидские» играли в перспективе ключевую роль в процессе воздействия ближневосточной проблематики на «дизайн» европейских «конфликтных зон». По мнению исследователя, острые противоречия держав в регионе стали одной из важнейших причин того, что Антанта в отличие от Тройственного союза так и не превратилась в военный союз. И при этом основным центром противоречий оказывался даже не Константинополь и Проливы, а Персия, где соединились экономические, политические, религиозные и стратегические противоречия России, Англии и Германии²⁷.

После соглашения 1907 г. между Россией и Великобританией, не снявшего, впрочем, противоречий «между двумя великими державами по вопросу о Персии», в российских верхах начала складываться «своеобразная “средневосточная группировка”, стремившаяся добиться в Персии компенсации потерь, недавно понесённых в Корее и Южной Манчжурии»²⁸. Под раскаты революционных бурь именно в Иране укрепляются центры российского финансового и военного присутствия. И если угроза активизации Турции в Персии (турецкие войска в начале июля 1908 г. быстро продвигались на юго-восток Персии, опасно приближаясь к пограничной с Россией области) была снята событиями младотурецкой революции, то британские амбиции в стране лишь нарастали по мере приближения Первой мировой войны²⁹.

Наиболее дальновидные российские сановники хорошо осознавали, что противоречия по персидским вопросам представляли существенную угрозу самим основаниям существования Антанты³⁰. Недостаток компромисса в этой геополитической коллизии существенно накалял международную обстановку на протяжении всего предвоенного пе-

²⁷ Бондаревская Л. Г. Англо-русские отношения в перси накануне Первой мировой войны. В: Россия на рубеже XIX–XX веков: Материалы научных чтений памяти профессора В. И. Бовыкина. М., 1999. С.325.

²⁸ Там же. С. 326.

²⁹ Бондаревская Л. Г. Указ. соч. С. 326.

³⁰ Там же. С. 327. Серьёзными козырями британского присутствия здесь были Шиншахский банк Персии, ведущие пароходные компании, Англо-персидская нефтяная компания (АПНК), а также стремление вице-короля Индии лорда Керзона для безопасности Индии присоединить к британской зоне Персии нейтральную. С другой стороны, Трансперсидская магистраль, задуманная Россией, в случае удачи проекта, могла бы к началу Первой мировой войны существенно укрепить позиции России на подступах к Индии. Приобретение акций АПНК британским адмиралтейством, заключение соглашения с Германией о Багдадской железной дороге в июне 1914 г. укрепили британские позиции в Персии. В качестве обоснования этих недружественных в отношении России акций Англия использовала такой аргумент, как обеспокоенность активизацией России в Персидском Азербайджане, угрожающей территориальному единству Ирана (Там же. С. 329–331).

риода, так как иранская проблема лежала в основе англо-русских соглашений, вошедших в политическую парадигму Антанты.

Однако вернёмся к тому моменту, когда российский император, рискуя вызвать резкое обострение отношений с новыми иранскими властями³¹, предоставил семье шаха убежище – на этот раз уже в России. (Убежище, в котором по злой иронии истории ему самому, низложенному монарху, через девять лет будет отказано Англией).

Надо сказать, что «Сатирикон» особо отличился летом-осенью 1909 г. по части высмеивания низложенного персидского правителя, который к тому времени поселился в Одессе, где специально для него был приготовлен особняк (живописное палаццо, принадлежащее Фальц-Фейну, что на Надеждинской улице, с видом на море).

Чем же занимался низложенный правитель в Одессе? Игрой в политику, – отвечает «Сатирикон». На проникнутых весёлым сарказмом рисунках А. Юнгера мы видим, что «с утра шах занимался приемом иностранных высокопоставленных лиц», главным образом – «Гришки кривого и Володьки Кучерявого» (разношёрстная толпа местных обывателей кланяется сидящему на хрупком стульчике «грозному шаху»). Затем, продолжает свой рассказ художник, «будучи ревнителем конституции, шах после приёма собирал меджлис» (маленькая, но симпатичная компания полуобнаженных наложниц сидит под табличкой с надписью «Меджлис»). «Но через короткое время шах разгонял меджлис» (шах вместе с евнухом ремнём прогоняет прочь испуганных прелестниц). «Затем наступила пора реакции, и шах приступил к репрессиям. Вопли казнённых разносились далеко по одесским улицам» (шах, дабы не терять навыки правителя, деловито насаживает на кол орущих кошек, которых ему услужливо достаёт из мешка верный евнух). В конце наступает кульминация рабочего дня экс-шаха, ибо случается «иностранное вмешательство», приводящее к «прекращению произвола» – одесский городской криком и дубинкой кладёт конец этому форменному безобразию к дикой радости кошек, из числа тех, коим удалось спастись от шахских «государственных» затей³².

Конституционная революция в самом кратком сатириконовском изображении, увиденная глазами художника-карикатуриста, едко, но довольно точно отразила последовательность событий в Персии, а заодно и отношение к ним русской сатирической печати, явно дистанцировавшейся в этом вопросе от позиции властей.

Характерным для сатириков приёмом изображения персидских событий на всём протяжении Конституционной революции служит обыгрывание древних традиционных символов государственной власти в Иране – Льва и Солнца. Сюжет, связанный с этими державными зна-

³¹ Подробнее об этом см.: Иванов М. С. Указ. соч.; Алиев С. М. Указ. соч.

³² Сатирикон. 1909. № 37. С. 4.

ками, впервые появляется на страницах «Шута» в связи с критикой цензурной политики шахского режима. Карикатура с комментарием изображает льва, удаляющегося от зрителя вслед *заходящему* солнцу, а в комментарий при этом сообщает, что-де местная цензура «рисунка не пропустила». На следующем рисунке кот на крыше наблюдает за луной; комментарий же поясняет, что и переделанный в кота лев, и *спрятанное* солнце также не уберегли рисунок от цензурного запрета. Из следующего рисунка с комментарием становится ясно, что и переделанный в котёнка кот, и клубок ниток вместо солнечного диска также не спасли положения. Последняя карикатура из этой серии – белый квадрат в чёрной рамке – удостоилась «лучшей» судьбы. Комментарий: «*Впрочем, художника как-то случайно посадили на кол, но карикатура его была напечатана в этом виде*»³³.

«Львиная» тема и «львиная» доля присутствует и в сатириконовских карикатурах. На одной из них – «*Ангел мира в Персии*» – упитанный шах с чувством целует тощего, заполошного, орущего от боли *ангела мира*, неосторожно залетевшего в персидские края. Меж тем как злобный лев, коего шах держит на цепи, уже вгрызся в ногу несчастного залетного гостя. В уста шаха художник вложил лицемерное заверение:

«– *Господи, Боже мой! Да я этого самого ангела мира готов каждую минуту к сердцу прижать...*»³⁴.

Опубликованная в разгар выяснения отношений между силами революции и реакции, карикатура сколь пессимистично, столь и реалистично рисовала перспективы замирения в Иране.

Меж тем убытие шаха в Россию не нормализовало обстановки в стране. Ни Директория из 20 человек – временный орган контроля над правительством, обладавший широкими полномочиями, ни деятельность второго меджлиса, ни активность американского финансового советника Моргана Шустера³⁵, ещё глубже втянувшая Иран в долговую кабалу, не решили проблем иранского общества. Его по-прежнему раздирали на части революция, реакция и противоборствующие иноземные интересы.

Вторжение низложенного шаха и его сторонников в Иран в июле 1911 г. (он прибыл в Гюмюш-Тепе, гавань на Каспийском море, а затем занял Астрабад, но потерпел поражение от правительственных войск), мгновенно комментируется «Сатириконом» в карикатуре А. Юнгера «Возвращение шаха» на обложке июльского номера. Пухленький эксправитель с саквояжем в руке пытается привлечь к себе внимание своих унылых подданных, без особого восторга взирающих на внезапно вер-

³³ Шут. 1908. № 29. С. 5.

³⁴ Сатирикон. 1909. № 23. С. 4.

³⁵ Он лишь усугубил практику иностранных займов и новых налогов, к тому же попытался сформировать собственную финансовую жандармерию в 12 – 15 тысяч человек.

нувшегося Мохаммеда-Али. Направляясь по заштопанному ковру к своему тронному месту, он, собственно, трона-то и не обнаруживает:

«– Позвольте... А на что же я сяду? Где трон?».

И получает в ответ:

«– А вот... Пожалуйте»³⁶.

Один из сановников с хитровато-глумливым выражением лица широким жестом предлагает шаху сеть на... кол, в который раз появляющийся в журнальных карикатурах на персидскую тему как символ имманентной жестокости политического уклада в стране Каджаров.

Закономерной (и справедливой) расплатой за высокомерие прежней власти видится художнику и дальнейшая судьба низложенного шаха. На рисунке под названием *«Династия Каджаров – прежде и теперь»* сокрушительным контрастом с образом прежнего могущества иранского правителя (внушительных размеров шах восседает на фоне всё тех же льва и солнца) выглядит убогая фигурка опального старичка (жалобно скорчившись на фоне крошечной тьмы, он держит на поводке ободранную собачонку)³⁷.

Традиционное для русской сатирической печати сочувствие к простому человеку, попавшему в жернова истории и вынужденному жить в «интересные времена», художник А. Юнгер передаёт в серии карикатур *«Единственный выход»*. На «сцене» персидской политической жизни, из декораций на которой – лишь два торчащих из земли кола, разыгрываются следующие *политические* диалоги:

«Экс-шах (персидскому обывателю): – Видишь этот кол? Если будешь сочувствовать меджлису – он приготовлен для тебя!

Член меджлиса (обывателю): Видал вот это? Если только заметим, что сочувствуешь шаху – сейчас же посадим!

– О, - сказал обыватель в отчаянии. – В таком случае я держу нейтралитет!

Но пришёл персидский патриот и сказал:

– Нейтралитет? В такое-то время? Когда никто в Персии не имеет права быть в преступном бездействии? В таком случае, ты попробуешь этой палки!

– Давай палку! – вскричал обыватель. – Я знаю, что мне делать!..

И это был для него единственный выход!..»³⁸.

«Выход» для бедного персидского обывателя оказался незавидно однозначным: приладив палку как переключатель между двумя кольями, он повесился на самодельной виселице, отчаявшись найти на этом свете прибежище от опасностей повседневной жизни.

³⁶ Сатирикон. 1911. № 30.

³⁷ Там же. № 38. С. 16.

³⁸ Сатирикон. 1911. № 33. С. 16.

Тем временем ультиматум России³⁹, всё более обеспокоенной ситуацией вблизи своих южных границ (ноябрь 1911 г.), дальнейшие революционные выступления в Тебризе, Гиляне, Мешхеде и подавление их российскими войсками, вступившими в Иран, – словом, все эти события стали этапами нисходящей линии развития Конституционной революции в стране. И если Первая русская революция послужила в определённой мере катализатором революционных событий в Иране, то и подавление Персидской революции также оказалось связанным с русским фактором. Впрочем, не только с ним. Причиной истории стал тот факт, что именно Англии, с её богатейшими парламентскими традициями, предстояло в будущем сыграть решающую роль в возврате Ирана к неограниченному представительством монархическому правлению⁴⁰.

Пока же, в декабре 1911 г., условия российского ультиматума были приняты комиссией из членов правительства, регента и председателя меджлиса. Вскоре указом регента меджлис был распущен, а новому меджлису предписывалось в будущем пересмотреть конституцию страны. В марте 1912 г. правительство официально заявило о том, что обязуется согласовать свою политику с принципами Соглашения 1907 г.⁴¹ При этом обещанный властями созыв третьего меджлиса состоялся только в конце 1914 г., в принципиально новых международных обстоятельствах.

Персидская же тема, на время революционных событий 1905–1911 гг. ставшая заметной, самостоятельной линией формирования образов перса, Персии, её правителей и их новой роли в «Большой игре» на Ближнем Востоке, со временем отойдёт на второй план, несмотря на дальнейшее развитие русского военного присутствия в стране. Сама стилистика изображения персидской темы как парафраза восточной «дряхлости» и особой «жестокости» к тому времени уже устоится, стереотипизируется. Далее связанным с Персией сюжетам лишь периоди-

³⁹ Иранскому правительству под угрозой ввода войск в Азербайджан предписывалось уволить Шустера, не приглашать представителей иностранных держав без согласия России и Англии на службу и возместить материальные расходы на отправку российских войск в Иран.

⁴⁰ В ноябре – декабре 1911 г. российские войска подавили революцию на севере страны, а английские - на юге полиция и бахтиарские отряды в Тегеране совершили контрреволюционный переворот, распустив меджлис и энджумены, что означало конец революции. Однако сама по себе система конституционно-монархического правления, инициированного при шахе Мозаффаре в начале революции, была уничтожена по британскому сценарию лишь в 1925 г., когда в результате переворота на смену династии Каджаров пришла династия Пехлеви в лице Реза-шаха.

⁴¹ В соответствии с подписанным в 1907 г. Англо-русским соглашением, северная часть Ирана до линии Касре-Ширина – Исфахан – Йезд – Зульфагар отходила в сферу влияния России, а территории южнее линии Бендер-Аббас – Керман – Бирджанд – Газик – в сферу влияния Великобритании.

чески предстоит актуализироваться в связи с событиями Первой мировой войны.

Человеческий протест журналистики против нечеловеческого кошмара новой политической ситуации на Ближнем Востоке (революции, насильственные реформы, милитаризация жизни, западное вмешательство) явственно звучит на страницах российских сатирических изданий начала XX в. Однако резкая критика по поводу военных агрессий и внутренних репрессий, отметивших ускоренную модернизацию Востока под влиянием Запада, не была однозначно связана с какими-либо национальными или конфессиональными субъектами. Зло как таковое, зло, не имеющее национальности и расы, всё явственней становилось главным сценаристом новейшей истории. Собственный исторический опыт российского общества, пережившего в первое десятилетие XX в. и свирепый революционный террор, и ответную реакцию властей, опытным путём подводил журналистов к мысли, век спустя сформулированной исследователем В. П. Булдаковым: «Революция – это наиболее наглядное напоминание о тех врождённых садомазохистских склонностях человека, которые были задавлены в обыденной “цивилизованной” действительности»⁴².

Корчащиеся на кольях, весящие в петлях, лежащие в лужах крови фигурки людей на журнальных рисунках, язвительные стихи и саркастические фельетоны, смутные страхи и прозрачные аллюзии, откровенные намёки и лобовая критика – словом, весь инструментарий русских сатирических журналов позволяет увидеть главную тенденцию осмысления происходящего в Персии. В процессе интерпретации «восточной темы» зарождается внутренняя убеждённая часть российского общества в том, что принудительная смена ценностей, культурное насилие, идеология нетерпимости с неизбежностью призывают к оружию и сторонников, и противников перемен. В итоге ситуация с закономерно порождает то, что исследователь деликатно назовёт «агрессивными формами активности»⁴³, иными словами – революционные гуманитарные катастрофы.

Список литературы:

1. *Бондаревская Л. Г.* Англо-русские отношения в перси накануне Первой мировой войны. В: Россия на рубеже XIX–XX веков: Материалы научных чтений памяти профессора В. И. Бовыкина. М., 1999.
2. *Булдаков В. П.* Красная смута. Природа и последствия революционного насилия. М., 2010.

⁴² Булдаков В. П. Красная смута. Природа и последствия революционного насилия. М., 2010.

⁴³ См.: Наумова Н. Ф. Рецидивирующая модернизация в России: беда, вина или ресурс человечества? М., 1999. С. 9–15, 95.

3. *Наумова Н. Ф.* Рецидивирующая модернизация в России: беда, вина или ресурс человечества? М., 1999.
4. *Филиппова Т. А.* «Чужая политика». Конституционные преобразования в Турции и Персии в начале XX века на страницах журнала «Сатирикон» // Восточный архив. 2012. № 2 (24).
5. *Филиппова Т.* «И пуст сераль, и смолк его фонтан...». Эротика как сатирическая стратегия изображения Турции на страницах русских сатирических журналов. Начала XX века // Родина. 2011. № 10.
6. *Wheatcroft A.* Infidels. A History of the Conflict between Christendom and Islam. L., Penguin Books Ltd., 2004.

VIOLENCE AS A SYMBOL OF MODERNIZATION AT THE DECLINE OF THE KADZHAR EMPIRE. (ON THE MATERIALS OF RUSSIAN SATIRICAL JOURNALS OF THE BEGINNING OF THE XXTH CENTURY

T.A.Filippova

Based on the materials of Russian popular satirical magazines «Satiricon» and «Joker» the article analyzes the image making mechanisms of the «Enemy from the East» in case of the Iranian constitutional revolution of 1905–1911. The author concentrates on the specific rhetorics of hate, created by Russian satirical journalists in the process of appreciation of modernization of Kadzhar state in the epoch of constitutional reforms, civil war and intervention.

Keywords: *Iranian Constitutional revolution of 1905 – 1911, Kadzhar dynasty, modernization of the East, Russian satirical press, «Satiricon» magazine, «Joker» magazine, image of the «Enemy from the East».*

Об авторе:

ФИЛИППОВА Татьяна Александровна – кандидат исторических наук, заместитель главного редактора Российского исторического журнала «Родина», e-mail: filipova2006@yandex.ru

FILIPPOVA Tatiana Alexandrovna – PhD in History, deputy editor of the Russian historical monthly «Rodina», a researcher at the Department of History, Institute of Oriental Studies, RAS.